

Весьма сложными для интерпретации, на наш взгляд, являются контексты, в которых индикаторы, формально фиксирующие коммуникативное затруднение (*не могу выразить; не знаю, как передать; словами не выразить; нет слов, чтобы описать* и под.), участвуют в выражении эмоционально-оценочной информации. Это обусловлено тем, что в подобных ситуациях говорящий может не столько фиксировать возникшие у него сложности, сколько использовать такие маркеры в качестве своеобразных интенсификаторов (так как необходимые слова, определяющие эмоциональное состояние адресанта, как правило, все же присутствуют в высказывании):

– *Не знаю, как выразить вам ту радость, которую я испытываю, видя, что такой способный и искренний человек, как вы, занимается тем же делом, на которое и я положил свою жизнь.*

Подобного рода контексты практически невозможно интерпретировать однозначно: нельзя полностью исключить вероятность того, что говорящий одновременно подчеркивает интенсивность переживаемого состояния и пытается донести до слушающего, что эта интенсивность мешает ему выразить свои ощущения достаточно точно и полно.

Таким образом, коммуникативные затруднения говорящего в диалоге могут носить как невербализованный, так и вербализованный характер, причем в обоих случаях интерпретация высказываний, включающих какие-либо индикаторы таких затруднений, требует тщательного анализа, учитывающего целый комплекс факторов коммуникативно-прагматического контекста.

Л. М. Лещёва

СЛОВО В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Слово в толковом словаре, как известно, является элементом отобранного составителем реестра лексических единиц языка, представленного, чаще всего, в алфавитном порядке. Словарная статья призвана осветить основные сведения о форме слова, минимальном перечне его интегральных и дифференциальных семантических признаков, определяющих его место в лексической системе, а также об основных особенностях функционирования слова в речи, для обеспечения успешной коммуникации.

Главной задачей лексикологического исследования в рамках структурного подхода является, обычно, постулирование определенных теоретических положений, касающихся, например, уточнения позиции слова в лексической системе и структуре на основании установленных семантических связей с другими словами в языке и речи, а также классификации самих связей.

В современных же антропоцентрических лингвистических и лингвокультурологических исследованиях делаются попытки исследовать слово как единицу ментального лексикона индивида для установления сущности языка как одной из его когнитивных способностей и для реконструкции языковой картины мира.

Понимание ментального лексикона в работах исследователей этого направления может различаться. Так, он может пониматься статично, как реестр, лексическая память готовых единиц, или динамично, как набор лексических единиц и правил их образования; его понимание может приближаться или отдаляться от образа и принципов печатного словаря.

В современной американской когнитивно-ориентированной лингвистической традиции, в значительной степени находящейся под влиянием генеративной грамматики Н. Хомского, ментальный лексикон, включающий морфемы, слова, идиомы, грамматические конструкции, а также правила порождения новых лексем, обычно рассматривается как один из компонентов языковой способности человека. При этом роль лексического компонента этой способности видится не менее, а даже более значимой, чем роль синтаксического компонента, который Н. Хомский считает важнейшим. Например, Р. Джэкендофф в своей теории Параллельной архитектуры (*Parallel Architecture*) указывает на то, что ментальный лексикон – это не только хранилище лексических структур, к которым применяются правила генеративного синтаксиса при построении предложения и не только источник декларативной языковой информации. Ментальный лексикон является источником процедурной информации и имеет адаптивный характер. Он функционирует как интерфейс и разрешает или ограничивает связи между фонологическим, синтаксическим и семантическим компонентами языковой компетенции. Каждый из этих компонентов имеет свои примитивы, принципы комбинации и правила порождения своих структур. Семантический, центральный, компонент языковой компетенции связан с такими структурами когниции, как пространственные структуры, кодирующие перцептивный опыт, или структуры, кодирующие причинно-временные, темпоральные, таксономические, модальные и другие отношения (R. Jackendoff, 2010).

Российский психолингвист А. А. Залевская предлагает достаточно близкую к вышеприведенной трактовку ментального лексикона: она видит его в качестве «функциональной динамической системы, средства доступа к единой информационной базе индивида, в которой слиты продукты переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта (вербального и невербального), полученного в процессах познания и общения по закономерностям психической деятельности и под контролем принятых в социуме норм и оценок» (А. А. Залевская, 2007).

Соответственно, в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной лингвокультурологии (концептологии) слово оказывается теснейшим образом связано с ментальной единицей – концептом как объективно существующим в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективным образованием динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) (А. А. Залевская, 2001), хотя для концепта существование слова не обязательно. В этой связи слово становится особо важным инструментом его изучения.

В данных направлениях лингвистических исследований меняется видение значения слова: грань между лексическим и энциклопедическим

значением слова в них стирается, и значение слова приближается к содержанию концепта, хотя и не достигает его. Так, М. В. Никитин определяет значение слова как «концепт, связанный знаком» (М. В. Никитин, 2004), что весьма близко точке зрения Р. Джекендоффа, который определяет семантические структуры как часть концептуальных структур, имеющих вербальное выражение (R. Jackendoff, 1983).

Соответственно меняется и семантическое описание слова, поскольку в этом случае важны не только основные понятийные признаки слова или его системные реляционные семантические отношения. Значимым в этом случае становится каждый смысл слова, его оценочный, социально-культурный или прагматический признак, который может проявиться в его производных словах, свободных и устойчивых словосочетаниях и единицах пословичного типа, стилистических и концептуальных метафорах, психолингвистических ассоциативных экспериментах, невербальном поведении и т.п.

Каждый из обнаруженных таким образом семантических, прагматических, синтаксических, перцептивных, социально-культурных признаков эксплицирует, отражает скрытые признаки концепта, концептуальные знания индивидуального и коллективного сознания.

Е. Г. Лукашанец

УНИВЕРБАЦИЯ: МЕЖДУ СИНТАКСИСОМ И МОРФОЛОГИЕЙ

Синтаксический аспект словообразования уже давно привлекает к себе внимание лингвистов. В рамках таких направлений исследований лежит и учение о «взаимопреобразованиях единиц разного уровня» (Е. Л. Гинзбург), в частности – о так называемой универбации. Несмотря на большое число работ по этой теме, актуальность ее несомненна, что подтверждается прошедшей в апреле 2017 г. в Сараево целиком посвященной этому явлению конференцией Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов.

Наш доклад имеет своей целью определить методологические основания различных взглядов на сущность понятия универбации и тем самым уточнить природу этого явления в свете некоторых данных субстандартных подсистем русского языка. Материалом исследования послужили универбаты из нескольких региональных словарей сленга – неофициальные топонимы, сленговые и разговорные названия учебных предметов и т.п.

Первоначальный смысл универбации – противопоставление мультивербации: то, что было названо несколькими словами, получает однословное название. Таким образом, в понимании универбации изначально присутствовали элементы как динамики, так и статики: универбация – это процесс, результатом которого является универб, или универбат.

Именно рассмотрение универбата как результата – упор на статику универбации – привело некоторых ученых, в основном германистов и романистов, к определению универбации как диахронического процесса. Так,